

Екатерина Васильева:

«Я не должна была дожить до этого времени»

«АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ» продолжают специальный проект «Десять Великих Актрис России», в рамках которого журналист и кинорежиссер Игорь ГРИГОРЬЕВ в течение этого года встретится с героинями проекта. Его собеседница сегодня - Екатерина ВАСИЛЬЕВА, которая много лет назад решила уйти из большого искусства, сделав выбор в пользу жизни духовной.

«Я приобрела свободу»

- ЕСТЬ ли дата, за которой осталась ваша прошлая жизнь?

- Может быть, это встреча с моим духовным отцом. Двадцать пять лет тому назад. Может быть, с этого дня все прошлое стало отпадать. Про жизнь «до» священники говорят так: «Когда я еще был жив»...

- Вас не смущает эта фраза?

- Это нормальная фраза. Это значит, что человек умер для мира.

- Интересно, сколько вы свобод потеряли, умерев для этого мира?

- (Восклицательно.) Потеряла?! Я только приобрела свободу!

- Вы даже не смогли самостоятельно принять решение о встрече со мной. Вас на это должен был благословить священник.

- Ну и слава Богу! Цель моей жизни - это спасение души, и батюшке виднее, что полезнее моей душе, что нет.

- Скажите, как традиционно строится ваш сегодняшний день?

- У меня сын священник, поэтому мы живем по церковному календарю, не по светскому. Просыпаемся рано, где-то в восемь... Либо идем все вместе на службу, либо батюшка уезжает один. Если я не иду на службу, то встаю, молюсь у себя в комнате, читаю утреннее правило. Потом возвращается со службы батюшка. Обедаем, дети ложатся спать...

- Простите, кого вы называете батюшкой?

- Батюшка - сын мой, отец Дмитрий.

- Извините, сколько вашему сыну лет?

- Тридцать вот было.

- Это было ваше желание, чтобы он вошел в церковь?

- Вы знаете, я даже об этом мечтать не могла... (Улыбается.) То, что это так случилось... Это счастье, конечно.

- Вы оказывали на него давление в его выборе?

- Разве такой крест можно взваливать на человека против его воли? Это же крест тяжелейший! Настоящая мужская работа!

- А вы сами хоть однажды задумывались над тем, сколько ваших искренних и горячих поклонников вы предали, перестав сниматься?

- Игорь, ну же! Ведь без конца крутят все эти фильмы со мной! Этих «Чародеев», «Соломенные шляпки», это «Обыкновенное чудо»... Как предала?!

- Я хочу сказать, что лично я потерял с вашим уходом в церковь один из немногих источников вдохновения.

«Ну что это за бред такой, когда один человек играет другого человека! Такой профессии нет, она искусственно придумана, это такой изыск дьявольский...»

- (Перебивает.) Игорь, вы меня не поняли. Я не завишу в этом смысле от церкви. Я вообще не хочу работать. Я не хочу играть! Понимаете? Это как бы давным-давно исчезнувшее желание. И, если я сейчас где-то снимаюсь или участвую в антрепризе, то это только для заработка. Только!

Тут нет никакого пресса со стороны церкви. Это от меня исходило. Более того, я долго умоляла батюшку, чтобы он благословил меня не играть больше. Но он, как человек мудрый, понимал, что я не готова это бросить, что это никому не нужно - ни мне, ни людям, как вы говорите... И когда он действительно понял, что мне тяжело, невыносимо - это случилось после «Орестей», когда я просто в слезах приползла к нему и сказала, что больше я не могу этим заниматься...

- Из-за этого у вас и случился конфликт с режиссером Штайном?

- Да, он это чувствовал. Я так тщательно скрывала - придираться было вроде бы не к чему, технически я мощно играла, но он видел, он понимал, что «мои деньги в другом банке»... И его это так раздражало! Он хотел, чтобы я ЖАЖДАЛА играть! Чтобы я приходила на сцену, как на исповедь, а не на муку! Он же видел, как я скучаю на репетициях, что не в кайф это мне...

- Извините, это, по-моему, был 1994 год. Но до «Орестей» вы уже 27 лет как снимались и играли в театре...

- Да, это как-то накапливалось, видимо. Но вдруг я осознала, что не могу больше, что мне невыносимо тяжело, что всерьез не могу производить эти тексты. Особенно если

тогда и играйте. Хлеб надо зарабатывать как-то».

- Сколько вы просите за съемочный день?

- (Категорически.) Тысячу долларов. А что я могу поделывать? Я же должна помогать семье. Они у меня такие золотые, такие хорошие... Если бы они валялись на кровати там или ходили по казино, я бы точно не снималась нигде. Мне много не надо. А так - я за них готова жизнь положить.

Страдания смиряют

- НАЗОВИТЕ одно произведение искусства, которое произвело на вас неизгладимое впечатление.

- О, Господи... Я действительно забыла... Раньше было что-то, а сейчас не вспомню. Сегодня это настолько не важно для меня. Я так давно никуда не хожу, ничего не смотрю, не читаю. Потому что это все чувственно, это вызывает очень сильные эмоции, страсти. Вы знаете, сколько вреда принесло искусство моей жизни?

- (Опешив.) Как так?!

- Да так, что оно разогревало во мне страсти, грехи. Прожить столько лет без царя в голове, без веры в душе! Я меняла свою жизнь с невероятной скоростью, делала такие зигзаги сногшибательные! Господи! Когда уже пришла к вере, я поразились вообще Божьей милости! Я не должна была дожить до этого времени! Столько своих друзей схоронила, которые жили так же, как и я. В буквальном смысле схоронила. Они погибли. Кто спился, кто с собой покончил, кто что.

- Вы тоже стояли у подобной черты?

- Может быть... Поэтому я всегда буду неустанно и неусыпно благодарить Бога за то, что он дал мне возможность исправления и покаяния. (Смотрит на И. Г., у которого полуоткрыт рот.) Что же это вы так на меня, а? С таким ужасом смотрите? (Смеется.) Считаете меня сумасшедшей?

- Наоборот, восхищаюсь. Екатерина Сергеевна, скажите сейчас... Только подумайте перед тем, как ответить. Вы еще вернетесь? То есть я имею в виду, сыграете что-то?.. Настоящему...

- Нет. Я просто не смогу. Меня нужно по мелочи использовать, и все. Я ничего не могу с этим поделывать. Простите великодушно. Нет сил. Я даже те спектакли сейчас, которые левой ногой играю, плохо переношу. Переезды, поезда, у меня приступы сердечные, меня всю выворачивает.

- Можно страшный вопрос?

- Страшный?

- Для меня - да. Как бы вы хотели умереть?

- Как? О, это совсем не страшно! Я каждый день об этом думаю.

- Нарисуйте мне тогда идеальную картину своей смерти.

- Дома, в постели.

- И сколько лет вам?

- Не знаю, все равно. Абсолютно все равно. Как Господь решит. Ну, побольше хочется, потому что я только-только начинаю жить по-настоящему. Хочется посмотреть, как внуки будут расти. А так, чтобы поболела, чтобы пострадала. Только страданием можно искупить грехи.

- Неужели вы не пострадали еще?

- Физическое страдание очень смиряет человека. И чтобы, конечно, в сознании, с исповедью, с причастием. Больше ничего не прошу.

Фото Александра ТЯГНЫ-РЯДНО

«Аргументы и факты» № 21, 2003 г.

АФОРИЗМ

Артисты у зрителей выменивают хлеб на зрелища.

Прислал С. Скотников, Москва